

№

9

АСТРАХАНСКІЯ ЕПАРХІАЛЬНЫЯ ВѢДОМОСТИ.

2 Мая

1917 года

ГОДЪ ХЛІІ

Астраханскія Епархіальныя Вѣдомости выходятъ 2 раза въ мѣсяць 10 и 30 чиселъ въ размѣрѣ 2 печатныхъ листовъ.

Подписка принимается въ редакціи Астраханскихъ Епархіальныхъ Вѣдомостей въ духовномъ училищѣ. Подписная цѣна 6 р. Печатаніе объявленій по особому соглашенію.

ОТДѢЛЪ НЕОФФИЦІАЛЬНЫЙ

На современныя темы.

Встань... и ходи!..

Тысячи лѣтъ существующее въ мірѣ Евангеліе Христово имѣетъ одно удивительное свойство: оно вѣчно юно, вѣчно неувыдаемо, вѣчно современно. Въ его чудныхъ словахъ, образахъ, притчахъ и разсказахъ всегда можно найти готовый отвѣтъ на любой запросъ современности. Оно у всякаго способно поднять надающій духъ, способно прогнать уныніе, влить струю надежды, возбудить вѣру, дать необходимый нравственный урокъ.

Таковъ, между прочимъ, евангельскій разсказъ о расслабленномъ, читаемый въ 4-ю недѣлю по Пасхѣ.

Когда читаешь или слушаешь этотъ трогательный по своей простотѣ и драматизму евангельскій разсказъ и вдумываешься въ многострадальную судьбу родной православной вѣры и Церкви, душу невольно охватываетъ невыразимо глубокое волненіе и жгучее чувство скорби: аналогія между ними такъ поразительно близка, что кажется, будто евангельскій разсказъ приведенъ для того, чтобы нагляднѣе изобразить весь трагизмъ нашей исторіи послѣдняго времени...

Страдальческій образъ евангельскаго расслабленнаго даже блѣднѣетъ и меркнетъ предъ скорбнымъ исполненнымъ печали и страданій образомъ Церкви. Но вмѣстѣ съ чувствомъ скорби въ глубинѣ души всегда незамѣтно шевелится и предчувствіе возможнаго разсвѣта. Вѣрится, что и для насъ блеснетъ заря возрожденія. Въ настоящее время, когда по всему необъятному пространству русской земли могучею волною раздался призывный кличъ: „встань, спящій!“ когда далекимъ эхомъ пронеслось отъ края и до края зовущее слово „впередъ“, — предъ нами уже ясно стоитъ возможность новаго евангельскаго чуда. Въ провозглашенномъ временнымъ правительствомъ планѣ государственнаго строительства уже прозвучалъ обращенный къ намъ Тѣмъ, Кто владѣетъ царствомъ человѣческимъ, вопросъ: „хочешь ли быть здоровъ?“ Мы знаемъ, что этотъ вопросъ равносильенъ Божественному желанію исцѣлить насъ, „извести изъ темницы“ полныя унынія и тоски души наши.

А недугъ нашъ такъ тяжелъ, мучителенъ и застарѣлъ, что не желать освободиться отъ него не только преступно, но и неестественно.

Тяжелыя невыносимыя цуты вотъ уже нѣсколько столѣтій сковываютъ свободу дѣйствій церкви. Нѣсколько вѣковъ связана она по рукамъ и по ногамъ и вынуждена, затаивъ глубокіе вздохи и страданія, безмолвно задыхаться въ тѣхъ могучихъ тискахъ, которыми охватила ее всеильная самодержавная бюрократія.

Эти тяжелыя цѣпи выковывались постепенно и незамѣтно. Основные звенья ихъ перенесли къ намъ геторыми еще съ началомъ христіанства отъ просвѣтившей насъ Византіи. Корень зла заключался въ томъ, что между церковію и государствомъ какъ въ греческой имперіи, такъ и у насъ образовался болѣе тѣсный, чѣмъ допускала норма, союзъ. Тѣснѣйшій союзъ между двумя организаціями, полезный и плодотворный, при равнокачественности ихъ, всегда неизбѣжно приводитъ и долженъ привести къ обоюдному вреду и непремѣнному приниженію одного изъ нихъ тамъ, гдѣ составляющія союзъ учрежденія разнородны и по своимъ основамъ, и по преслѣдуемымъ цѣлямъ, и по средствамъ осуществленія послѣднихъ. Болѣе высокія основы, цѣли и средства одного, при смѣшеніи съ болѣе низкими основами, цѣлями и средствами другого, естественно должны принизиться, смѣститься и исказиться, — однимъ словомъ, пострадать и оказаться въ рабскомъ ненормальномъ положеніи.

Такъ и было съ русскою православною церковію. По вѣрѣ того, какъ союзъ ея съ государствомъ становился тѣснѣе, все болѣе и болѣе происходило обезразличеніе основъ, цѣлей и средствъ церковныхъ и государственныхъ, все болѣе и болѣе оземлялся характеръ церковной дѣятельности. Это обезразличеніе дошло до того, что при послѣднихъ патріархахъ въ сознаніи церковныхъ дѣятелей совершенно затемнилось и правильное понятіе о церкви, и представленіе о той роли, которую призвана она играть въ жизни общества и христіанства. Церковная власть стала забывать, что двѣ части церкви — священство и народъ должны составлять одну солидарную и нераздѣльную церковь, что безнаказанно раздѣлять и разъединять ихъ нельзя, и стала склоняться къ беспощадному іерархическому абсолютизму, остатки котораго долго еще будутъ сказываться, стала обнаруживать чисто папскія притязанія на свѣтскую власть. Это особенно ясно обнаружилось на патріархахъ Никонѣ и Іоакимѣ. Этотъ послѣдній, ведя борьбу съ расколомъ, которы

былъ какъ бы первымъ предостереженіемъ церковной власти, несправедливо принизившей тѣло церкви—народъ, по словамъ В. С. Соловьева, „такъ проникся исключительнымъ значеніемъ своего сана, что съ полнымъ спокойствіемъ и невозмутимою увѣренностью говорилъ: „за то жжемъ, что насъ еретиками называютъ“ (Сочин. т. IV, стр. 218), забывая, „что въ эпоху аріанства вся іерархія, и по преимуществу высшая, почти поголовно была аріанствующей, во времена монофизитства — монофизитствующей, во времена моноелитства—моноелитствующей и т. д. (Богосл. Вѣстникъ 1915 г., июнь, стр. 225). Но то, что высказывалось патр. Іоакимомъ въ простотѣ души, возведено было Стеф. Яворскимъ на степень сознательнаго принципа и развито систематически въ цѣломъ богословскомъ трактатѣ, въ одномъ изъ отдѣловъ котораго („Камень вѣры“) онъ рѣшительно вооружаетъ церковь двумя мечами, духовнымъ и вещественнымъ, такъ что „егда мечъ духовный мало успѣваетъ, мечъ вещественный пособствуетъ“ (Соч. Соловьева, т. IV, стр. 219).

Обнаживъ на брань „мечъ вещественный“, церковная власть забыла, что взявши мечъ отъ меча и погибнуть, и Божественное Провидѣніе, въ видахъ промыслительныхъ, предало церковь во власть этого меча.

Это произошло въ то время, когда самодержавнѣйшій въ высочайшей степени Петръ I-й, по соображеніямъ, ничего общаго съ интересами церкви не имѣвшимъ, окончательно поправъ земское начало, доставилъ торжество въ государствѣ бюрократическому абсолютизму, грозно поднимавъ надъ всею Русью свою тяжелую „дубину“. Подъ сокрушительной силой ея одинаково затрепали и застонали и церковь и государство.

Для Петра совершенно не существовало того сдерживающаго религіознаго чувства и церковнаго авторитета, которыя смягчали даже дикій нравъ Грознаго. Воспитанный всегда развращенной и развращающей улицей, съ дѣтства усвоившій многія грубыя привычки, растерявшій въ нѣмецкой слободкѣ остатки благотворнаго вліянія семьи и церкви, не устававшій ежедневно подъ разными благовидными и неблаговидными поступками съ утра до вечера опрокидывать довольно внушительныхъ размѣровъ „чары зелена вина“ за здоровье своихъ многочисленныхъ „дорогихъ“ подданныхъ, а потому почти всегда волупьяный, думается, безъ преувеличенія можно сказать, былъ однимъ изъ самыхъ безбожныхъ

русскихъ правителей, хотя и „зналъ наизусть Апостоль и пѣлъ басомъ на клиросѣ“.

Извѣстно, до какихъ геркулесовыхъ столбовъ кощунства доходилъ „Великій Преобразователь“ Россіи. Онъ не только состоялъ дѣятельнымъ членомъ и „протодіакономъ всепьянѣйшаго и всешутѣйшаго собора“, на которомъ пьяной безбожной компаніей царя совершались отвратительнѣйшія кощунственныя выходки и безобразія, но и открыто всенародно издѣвался и надъ церковью, и надъ церковными святынями. Чего стоитъ, напримѣръ, одна кощунственная поѣздка Петра „славить Христа съ крестомъ и евангеліемъ“? Невольная дрожь пробѣгаетъ по тѣлу, при одномъ представленіи этого наглаго поруганія. Другого равнаго по силѣ оскорбленія религіознаго чувства и религіозной святыни не могъ придумать и жесточайшій врагъ и гонитель церкви язычникъ. Петрово „славленіе“ состояло въ безшабашномъ неудержимомъ пьянствѣ, совершавшемся публично и демонстративно. „Евангеліе“, съ вѣншей стороны отдѣланное и украшенное совершенно такъ же, какъ подлинное церковное Евангеліе, внутри представляло изъ себя помѣщеніе для водки и наполнялось штофами, а „крестъ“ былъ сдѣланъ изъ чубуковъ, имѣвшихъ крайне непристойный видъ и оскорблявшихъ общественную нравственность.

По справедливости названный старовѣрами „антихристомъ“, Петръ I-й окружилъ себя такими же, какъ самъ, грубыми, безбожными сподвижниками, изъ коихъ едвали не самымъ худшимъ былъ архіепископъ Теофанъ Прокоповичъ, человекъ образованный и талантливый, но совершенно чуждый какимъ бы то не было нравственныхъ принциповъ, ради самолюбія и честолюбія готовый каждую минуту предать всѣхъ и вся.

Что хорошаго можно было ожидать церкви отъ подобной компаніи? И, дѣйствительно, по справедливому замѣчанію проф. Московской дух. академіи, архимандрита Иларіона, „вся дѣятельность Петра направлена была къ униженію церкви и къ подрыву ея силы и авторитета“. Задавшись цѣлью, между прочимъ, создать въ своемъ лицѣ второго свѣтскаго цану, предъ которымъ бы все и вся повергалось во прахъ, желая быть для русскаго народа и государства какъ бы земнымъ богомъ, не желая, чтобы кто-либо въ глазахъ народа стоялъ рядомъ съ царемъ, и опасаясь какъ бы этого мѣста не заняла церковь, онъ без-

пощадно наложилъ на нее тяжелое иго съ бичами и скорпіонами: совершенно лишилъ самостоятельности, всецѣло подчинилъ государству, сдѣлавъ ее орудіемъ внутренней политики, и предалъ во власть иновѣрной, враждебной ей по духу нѣмецкой клики. Учрежденная Петромъ „духовная коллегія“ явилась отраслью государственнаго правленія подъ верховною властью царя, „крайняго судьи сей коллегіи“ и подъ непосредственнымъ начальствомъ особаго государственнаго сановника „изъ офицеровъ добраго человѣка, кто бы имѣлъ смѣлость и могъ управленіе синодскаго дѣла знать“. Съ тѣхъ поръ началось „управленіе синодскаго дѣла“ по методу Скалозуба: „Я въ три шеренги ихъ перестрою, а пикнуть—мигомъ успокою“. „Православіе, выражаясь словами В. С. Соловьева, вмѣсто всеобъемлющаго вселенскаго знамени народовъ стало у насъ простымъ атрибутомъ или придаткомъ русской государственности“ (соч. т. IV, стр. 180),—придаткомъ, который прикованъ былъ къ своей владычицѣ двойными цѣпями: цѣпями административно-уголовнаго и цензурнаго огражденія. Исполнились слова Писанія: *человѣкъ, ядый со мною хлѣбъ, возвеличи на мя заинаніе*. На историческаго „собриннаго“ друга и самоотверженнаго защитника въ изобиліи посыпались тяжелыя плети и удары.

Но подлинное гоненіе на церковь началось послѣ Петра, при его преемникахъ. Сплошь нѣмецкое правительство въ преслѣдованіи православныхъ пастырей и іерарховъ не знало удержу. Сыскъ, пытки и казни сыпались, какъ изъ рога изобилія. „Съ православною вѣрою и церковью, по словамъ Дим. Сѣченова, что хотѣли, то и дѣлали. Архіереевъ, священниковъ, монаховъ мучили, казнили, разстригали; непрестанно ноцти, и водою и сухимъ путемъ, въ дальніе сибирскіе города отвозили; и тѣмъ такъ устрашили, что ужь и самые пастыри, самые проповѣдники слова молчали и усть не смѣли о благочестіи отверзти“.

Казнями и гоненіями лишенная внѣшней свободы и возможности высказывать свой взглядъ на происходящее въ государствѣ, церковь не имѣла права распорядиться своею внутреннею жизнью. Она подвергалась гоненію даже за то, что дерзали защищать свое ученіе противъ нападковъ нѣмецкаго протестантизма. Синодальные члены, архимандриты Евѣимій и Платонъ, были лишены званія членовъ и разстрижены только потому, что „осмѣлились“, принадлежа къ „господствующей“ церкви, перевести книгу противъ протестанства, чѣмъ по официальному

выраженію, „учинили огорченіе великопочтеннымъ особамъ“ нѣмецкимъ.

По указу Петра 28 января 1723 года было запрещено даже постраженіе въ монашество. Впоследствии цѣлыя сотни монаховъ, имѣвшихъ уже священныи санъ, насильственно лишались и монашескаго постриженія, и священнаго сана. Монастыри были превращены сначала въ убожища для сброда и подонковъ правительственной челяди, а потомъ—въ тюрьмы для политическихъ преступниковъ. Надзоръ за заключенными и отвѣтственность за ихъ цѣлость насильственно возложена была на оставшихся монаховъ. Въ монастыряхъ правительство скрывало и жертвы своей жестокости: среди пытокъ многіе сходили съ ума и оставались калѣками, и этихъ несчастныхъ отираляли туда же.

Это было грубымъ насиліемъ надъ внутреннею жизнью церкви, нарушеніемъ ея правъ, насильственнымъ принужденіемъ къ выполненію и прикрытію жестокостей и беззаконій. Церковь глубоко страдала. Но вотъ наступилъ знаменитый „вѣкъ Екатерины“, вѣкъ просвѣщенія и философіи.

Матеріализмъ и атеизмъ, „Духъ законовъ“ и „Жалованная грамота“, литература и... флиртъ до упаду, „просвѣщеніе“ и... развратъ, „философія“ и.. невѣжество, либерализмъ и.. крѣпостной гнетъ,—все это смелось и перенуталось въ какой-то дикій танецъ. На русской землѣ воцарился „французикъ изъ Бордо“, русскимъ гмяномъ сталъ прииѣвъ: „Ахъ! Франція! Нѣтъ въ мірѣ лучше края!“, русскіе верхи „разрусѣли“: „ни звука русскаго, ни русскаго лица“. Народъ голодалъ и умиралъ отъ „морovýchъ новѣтрій“, а французскіе „энциклопедисты“ на народныя деньги, въ буквальный омыслъ добытыя потомъ и кровію, устраивали свои личныя дѣлишки такъ, что имъ могли бы позавидовать и современные мародеры: за бѣшенныя деньги они продавали царю цѣ свои никому ненужныя библіотеки, полностью получали за нихъ деньги, а самыя библіотеки оставляли себѣ въ пожизненное владѣніе и за эту „высокую честь“ для русскаго народа изъ послѣднихъ его крохъ брали приличное жалованье. По огромному тѣлу Россіи во все стороны расползлись, какъ паразиты, французскіе „просвѣтители“: парикмахеры, кучера, бѣглые преступники. И пошло „просвѣщеніе“ широкою волной...

Могла ли церковь отнестись къ такому „просвѣщенію“ иначе, какъ отрицательно?

И вотъ... она стала „оцлотомъ невѣжества и суевѣрія и врагомъ просвѣщенія“. Православной церкви, не преклонявшейся предъ свѣтилами парижскихъ конюшенъ и парикмахерскихъ, люди „просвѣщенные“ стали стыдиться. Рѣшено было, что „православной вѣрой можетъ заниматься развѣ только человекъ простой, не вкусившій плодовъ высокаго просвѣщенія и потому достойный лишь жалости и насмѣшки“.

Конечно, открытыхъ гоненій на церковь не было. Дыба и застѣнокъ потеряли „права гражданства“. Но духовенство было низведено до положенія крѣпостныхъ. Оно на ряду съ крестьянами сплошь и рядомъ испытывало на себѣ „благотворное“ воздѣйствіе „припарки“. Палка и кнутъ безпрепятственно гуляли по „священной сени“ вдоль и поперекъ. Конечно, это происходило за кулисами просвѣщенія, ибо экзекуціи производились „просвѣщенными“ россійскими „ньютонами“ въ своихъ имѣніяхъ и палацо. Но и на открытой сценѣ свободно гулялъ увѣсистый кулакъ самодержавной поклонницы гуманистической философіи. Гнетъ и безправіе, внутренняя связанность и полная подчиненность всевозможнымъ духовнымъ и свѣтскимъ правителямъ и владыкамъ росли и осложнялись. Не боясь прослыть обскуранткой въ глазахъ „фернейскаго оракула“, Екатерина считала себя „главой церкви“, а на епископовъ смотрѣла, какъ на „особъ государственныхъ“, имѣющихъ, какъ и прочіе чиновники, не принадлежащіе къ „лику“ придворныхъ „угодниковъ“, единственное, никѣмъ неотъемлемое право—безпрекословно повиноваться распоряженіямъ „главы“ или ея „подголовковъ“, каковы бы ни были эти распоряженія, и получать иногда за свое повиновеніе кой-какія подачки. „Особы“, забывавшія о столь высокомъ назначеніи, немедленно, подобно извѣстному Маціевичу, получали соотвѣтствующій меморандумъ и неукоснительно испытывали на себѣ „легкое бремя“ просвѣщеннаго вліянія энциклопедистовъ. Безъ мѣры и числа раздававшая необозримыя пространства земли своимъ многочисленнымъ любимцамъ, все достоинство которыхъ нерѣдко заключалось въ томъ, что они постигли „науку страсти нѣжной“, Екатерина отобрала земли у церквей и монастырей. Въ оберъ-прокуроры она назначала или протестантствующихъ выходцевъ сомнительной національности въ родѣ Меллисино, или открытыхъ атеистовъ, какъ Чебышевъ.

Такъ угнетали и терзали русскую церковь два „великихъ“ въ исторіи представителя самодержавія — Петръ и Екатерина.

Не отставалъ отъ нихъ и ихъ „благословенный“ потомокъ Александръ I-й. Уже полученное имъ враждебное церкви образованіе не предвѣщало ничего хорошаго. Правда, Александръ имѣлъ законоучителя, протіерея Самборскаго, но этотъ законоучитель по недоразумѣнію, болѣе извѣстный, какъ садоводъ, проживъ 20 лѣтъ въ Лондонѣ, гдѣ женился на англичанкѣ, потому и въ законоучители поцалъ, что, будучи самъ зѣло слабъ и въ вѣрѣ, и въ богословіи, ничему обскуратному не могъ паучить и своего воспитанника. И, дѣйствительно, во всю свою жизнь Александръ въ вопросахъ религіозныхъ былъ совершеннымъ невѣждой, не отличалъ правой руки отъ лѣвой и совершенно не любилъ русской вѣры и русской церкви. Въ его царствованіе на русскую землю нахлынули цѣлыя волны такъ называемыхъ мистиковъ. Масоны, гернгутеры, хлысты, скопцы, квакеры, духоборы, молокане, секты, общества и союзы, заграничные выходцы и мѣстные самородки, — все это закружилось вокругъ Александра, словно листья въ ноябрѣ. Началось своего рода распутиство. Только „распутинныхъ“ появлялись цѣлые лики. Къ однимъ изъ нихъ, каковъ, напр., глава масоновъ Юнгъ-Штиллингъ, Александръ самъ предпринималъ паломничество. Другіе были „демократичнѣе“ и милостиво доставляли себя на поклоненіе двору сами. Такова была, напримѣръ, европейски извѣстная авантюристка, „баронша Кріденерша“, которая, „вознесшись выше предѣловъ ума“, провозгласила себя пророчицей и стала своего рода пифіей, поставщицей дворомъ европейскихъ повелителей. Петроградъ сталъ для многочисленныхъ хлыстовскихъ пророковъ, въ родѣ Кондратія Селиванова, Татарнинова, Никитунки Федорова и другихъ „Сіономъ—градомъ, зеленымъ райскимъ садомъ“. Многіе изъ нихъ получали государственное жалованье, другіе — подарки, чины и т. п. Хлыстовскія радѣнія происходили въ Михайловскомъ замкѣ, въ казенной квартирѣ. Все это дѣлалось „на сценѣ“, открыто и всенародно, а что творилось „за кулисами“, о томъ „нелѣтъ есть и глаголати“. Поруганіе надъ православно-христіанскимъ ученіемъ, нелѣпыя мистическія бредни, полная нравственная распущенность, сластолюбіе и половыя извращенія — вотъ то, что своимъ правленіемъ насаждалъ въ русскомъ народѣ Александръ „благословенный“. И это называлось „духомъ внутренняго ученія христіанскаго“. Для церкви

это было и новымъ поруганіемъ, и новымъ поводомъ къ гоненію. Если въ царствованіе Екатерины она считалась „оплотомъ суевѣрія и невѣжества“, то теперь ее трактовали, какъ „наружную“, „виѣшнюю“.

Управляли ею постарому невѣрующіе Голицыны. Съ Синода сняли даже ярлыкъ, придававшій ему видъ церковной организаціи, всенародно переименовавъ его въ „синодскій *департаментъ*“. На церковь и ея ученіе выпустили цѣлую свору Юнгъ-Штиллинговъ, Гіюновъ, Бемовъ, Эккартсгаузенговъ, Сведенборговъ и др., наполнили мистической литературой и учебныя заведенія, и приходскія, и монастырскія библіотеки, всюду поселяли сомнѣніе въ истинѣ и необходимости „виѣшной“ церкви. Ее унижали, оскорбляли, заушали, а когда она возвышала голосъ въ защиту, это называли „истребленіемъ духа внутренняго ученія христіанскаго“, дѣломъ, „совершенно противнымъ началамъ, руководствующимъ христіанское наше правительство по гражданской и духовной части“, и на ея уста налагали: могущественную печать усмотрѣнія. Ученый цензоръ, архимандритъ Иннокентій, подвергся ссылкѣ, послужившей скорѣй причиною смерти, только за то, что допустилъ къ печатанію книгу, направленную противъ мистицизма.

Тѣ же гнѣтъ и безправіе, тѣ же насиліе и поруганіе продолжались и при преемникамъ „благословеннаго“. Вериги церковныя росли, тяжелели, обострялись. Цѣпи сильнѣе вдавливались въ израненное тѣло, тѣснѣе охватывали страдальческую грудь. До чего въ концѣ концовъ дошло тяжелое виѣшнее положеніе церкви, мы знаемъ по недавнимъ разоблаченіямъ, сдѣланнымъ революціей. Пьяный невѣжественный проходимецъ, развратный безбожникъ и предатель, прикрываясь старымъ мистическимъ туманомъ, на почвѣ религіознаго невѣжества и подлой продажности принялъ неподобающій ему ореолъ, сталъ возводить и изводить не только оберъ-прокуроровъ, и его товарищей, но и епископовъ, и митрополитовъ, одинаково нагло издѣваясь и надъ русскимъ народомъ, и надъ православною церковію..

Лишенная свободы жизни и дѣятельности, церковь, какъ это всегда бываетъ съ тѣми, которые осуждены на вынужденное бездѣйствіе, ушла внутрь себя и погрузилась въ глубокую внутреннюю работу, которая должна была создать почву для возможности виѣшняго преобразованія народной жизни.

Въ этой внутренней дѣятельности церкви заключался глубокій

культурно-историческій смыслъ и огромное религіозно-нравственное значеніе.

Это была великая сила мирной внутренней эволюціи. Но духовный ростъ таинственъ и неуловимъ. Сѣмя укореняется и растетъ непримѣтно. Царствіе Божіе не приходитъ „съ соблюденіемъ“. Это въ разгарѣ борьбы выпустили изъ виду борцы съ абсолютизмомъ власти, подобно сыновьямъ Заведея, желавшіе, чтобы церковные дѣятели низводили огонь на „преступниковъ власти“, и причислили ее къ лику гонителей, когда она была сугубо гонимой и бичуемой. Ее терзали и рвали съ двухъ сторонъ: и тѣ, которые были ея гонителями, и тѣ, которыхъ вмѣстѣ съ нею преслѣдовали послѣдніе.

Церковь уступила грубой силѣ, но не отказалась отъ своей воспитательной миссіи. До сихъ поръ въ ней не заглушена живая правда и сила Христовой истины, до сихъ поръ не утеряно сознаніе основныхъ началъ этой истины—любви и свободы. Послѣдніе годы очевиднѣйшимъ образомъ доказали справедливость этого. Если русскій народъ удивилъ и удивляетъ весь міръ своимъ благородствомъ, своимъ самоотверженіемъ, уваженіемъ къ правамъ другимъ, своимъ человѣколюбіемъ на войнѣ, преданностью отечеству, любовью къ свободѣ и другими чудными качествами, то не смѣнно ли приписывать все это, какъ думаютъ иные, только тому, что съ извѣстнаго момента на горизонтѣ нашей жизни появилось социалистическое ученіе? Это ученіе болѣе распространено и долѣе существуетъ въ странахъ средне-европейскихъ, чѣмъ у насъ. Въ Германіи марксизмъ съ его развѣтвленіями родился, выросъ, культивировался. Изъ нея распространился по всему міру. И что же? Онъ самъ оказался въ единеніи съ дикимъ насиліемъ и безчеловѣчной жестокостью и звѣрствомъ кайзера и его прислѣшниковъ. Не значить ли это, что почва, на которую пало ученіе тамъ и у насъ, не одинакова? А эта почва разрыхлена, всахана и удобрена шкѣмъ инымъ, какъ православной вѣрою и церковью. Это она сдѣлала изъ русскаго народа народъ—богоносецъ; она внушила и внушаетъ своимъ вѣрующимъ искать прежде всего Царства Божія и правды его; она наполнила его неутолимой жаждой братства и любви. Она воспитала въ русскомъ человѣкѣ благоговѣйное преклоненіе предъ самоотверженнымъ подвигомъ. Она всегда и всюду твердила, что нѣтъ большей любви, какъ положить душу свою за друга своего. Гдѣ еще такъ недосыгаемо

высоко, какъ въ православной церкви, стоитъ обаятельной образъ Христа-Мученика, Христа-Искупителя, Христа, изъ любви къ людямъ предавшаго Себя на мучительныя страданія и позорную смерть? „Слово крестное“, заповѣдь самоотреченія *во имя любви*, требованіе жертвы, подвига отъ всякаго, желающаго быть послѣдователемъ Христа,—это альфа и омега православнаго ученія и православной церкви. И не этому ли главнымъ образомъ обязана Россія тѣмъ, что она есть и что она совершила и надѣется совершить въ будущемъ?

Основная функція церкви, какъ тѣла Христова, приобщающаго всѣхъ членовъ своихъ къ дѣлу освященія и спасенія,—благодатно-таинственная. Эта функція не подлежитъ никакимъ колебаніямъ жизни и не зависитъ отъ нихъ. Она и сейчасъ открыта для насъ такъ же полно, зовуще, какъ всегда была и будетъ открыта. Въ ней мы находимъ всецѣлое благодатное восполненіе нашей личности. Эта—то функція церкви, просвѣщая нашъ разумъ истиннымъ вѣдѣніемъ, очищающая и обновляющая нашу грѣховную природу, укрѣпляющая наши нравственные силы, вообще возвращающая, усовершенствующая и созидающая нашъ личный нравственный характеръ, производилась безупречно и находилась на высотѣ призванія. Въ томъ, что касается личности, церковь всегда чувствовала себя свободно и свободно воспитывала ее, вліяла на нее, всегда и неизмѣнно поставляя предъ нею въ качествѣ идеала вѣчную правду Евангелія, стараясь запечатлѣть ее въ сознаніи и въ сердцѣ. Въ этомъ ея великая сила и значеніе.

Но есть въ церковной жизни и другая сторона, и справедливость требуетъ сказать, что здѣсь, къ сожалѣнію, дѣло обстоитъ далеко не такъ. Христіанство—не просто извѣстное религіозно-нравственное ученіе. Оно—жизнь во Христѣ и по Христу, а церковь—осуществленіе Царства Божія на землѣ. Вѣчная правда Евангелія, проповѣдуемая церковію, не должна поэтому въ религіозномъ сознаніи отодвигаться отъ живой дѣйствительности. Она не должна становиться системой возвышеннаго и святого, но неосуществимаго въ жизни идеализма. Она, должна быть не только правдой жизни, но и правдой о жизни. Такъ и было въ дни ближайшихъ послѣдователей Христа, когда всѣ вѣрные составляли общество, имѣющее одно сердце и одну душу, когда заповѣдь Христа: „такъ да просвѣтится свѣтъ вашъ предъ челоуѣками“ была *основой* христіанской дѣятельности, когда поэтому надъ міромъ неугасаемо го-

рѣль свѣточъ христіанской жизни, и все́мъ ясно было, что только Христосъ и Его церковь имѣютъ „глаголы жизни вѣчной“. Но гдѣ нынѣ путь христіанскій? Гдѣ царство Божіе? Всматриваясь внимательно въ жизнь современнаго русскаго общества, составляющаго Православную церковь, невольно воспоминаешь слова великаго учителя церкви, сказанныя имъ относительно современныхъ ему христіанъ: „Если бы кто со стороны пришелъ къ намъ и хорошо узналъ и заповѣди Христа и *порядки* жизни нашей, то не знаю, какихъ бы еще могъ онъ представить себѣ другихъ враговъ Христа хуже насъ, потому что мы идемъ такою дорогою, какъ будто рѣшились идти противъ Него“.

Таковъ вменно былъ весь строй, къ счастью, уже рухнувшій, и государственной и общественной жизни Россіи при старомъ правительствѣ. Въ лицѣ его всякій разъ, какъ вы дѣлали попытки къ осуществленію въ жизни великихъ завѣтовъ Христовыхъ, вы неизмѣнно натыкались на такую крѣпкую, неодолимую стѣну, для сокрушенія которой единичныя усилія оказывались совершенно недействительными. При этомъ вездѣ и отъ всѣхъ вы слышали только высокія и благородныя слова. Предъ вами склоняли и сирягали весь лексиконъ евангельскихъ словъ, и все-таки вы уходили истерзанный и разбитый, съ тяжелой болью въ сердцѣ и за поруганную истину и правду жизни, и за людей, считающихъ себя послѣдователями Распятаго и дѣлающихъ все, чтобы еще болѣе растравить Его страдальческія раны.

Конечно, церковь сознавала ненормальность положенія, въ душѣ осуждала его, но въ незаконномъ насильственномъ союзѣ съ государствомъ она потеряла силу дерзанія, потеряла преданность исключительно Христу. Рядомъ съ лучезарнымъ ликомъ Христа, зовущаго къ строительству царства Божьяго въ свѣтлый міръ, гдѣ любовь соединяетъ всѣхъ въ одну семью, въ церковь, сталъ въ сознаніи ея холодный и жестокой образъ свѣтской власти, чуждый свободы и любви. Въмѣсто того, чтобы помнить и непреложно проводить въ жизнь правило, данное намъ великими проповѣдниками любви Христовой—апостолами: „Должно повиноваться больше Богу, чѣмъ людямъ“ (Дѣян. 5, 29), мы хотѣли служить двумъ господамъ, забывъ, что изъ двухъ перевѣсъ всегда останется на сторонѣ одного. Этимъ однимъ, какъ ближайшимъ и болѣе осязательнымъ, оказался не Богъ, а кесарь. Въ результатъ высокіе завѣты Христа стали забываться. На первомъ планѣ стало исполненіе

вышней правды. Постыдное прислуживаніе вышней власти затемнило чистую правду Христову, угасило мужество исповѣданія, котораго требуетъ Христосъ, и совершенно подавило и убило смѣлое дерзновенное слово правды.

Въ церкви среди отвѣтственныхъ дѣятелей ея оказалось много и такихъ, которые, подъ гнетомъ власти и подъ вліяніемъ традиціи полагая, что „религіозная и церковная истина вся сполна находится на сохраненіи въ крѣпкомъ казенномъ сундукѣ за казенными печатями и подъ стражею надежныхъ часовыхъ“ и что имъ можно пребывать въ сонномъ равнодушіи ко всему, кромѣ благоденствія правительственной кустодіи, сознательно становились на сторону угнетавшей церковь свѣтской власти и дѣлались, вопреку ученія Христа, идейными прислужниками ея въ явный ущербъ дѣлу Христову. И въ то время, какъ эти прислужники власти устами Иліодоровъ и Восторговыхъ на весь міръ воспѣвали хвалебные гимны своей владычицѣ, остальные десятки тысячъ епископовъ, священниковъ, діаконовъ и псаломщиковъ, болѣвшихъ церковными нуждами, томившихся отъ жажды духовной, тосковавшихъ отъ недостатка собственнаго религіознаго дѣланія, молчали, давая поводъ думать, что имъ сочувствуютъ. Даже ужасы войны, принесшіе духовенству много новаго горя, нужды, заботы и тревогъ, потребовшіе отъ него громадной личной работы, новаго пастырскаго труда, новаго личного подвига, не развязали устъ нашихъ пастырей, не влили въ общую массу ихъ духа и смѣлости и дерзавія... Революція застала церковь по обычаю съ замкнутыми устами.

Таковъ грѣхъ церкви противъ Христа. Этотъ грѣхъ—недостатокъ исповѣданія вѣры. Вѣруя сердцемъ въ правду, она не исповѣдывала усты въ спасеніе.

Но въ этомъ грѣхѣ съ виною заключалось и искушеніе. Ибо это была глубокая внутренняя трагедія и всей церкви вообще и духовенства въ особенности. Это была трагедія исторической и индивидуальной подавленности, трагедія сознанія полнаго своего безсилія въ то время, какъ сердца рвались на просторъ, искали живой созидательной работы, трагедія полной оставленности, совершеннаго одиночества, трагедія часто незаслуженной вражды и ничѣмъ не вызванныхъ упрековъ и обвиненій.

Придавленные, одинокіе, разобщенные, не чувствуя поддержки ни среди своихъ сопастырей, ни со стороны паствы, которая сплошь и ря-

домъ, забывъ, что *всѣ* вѣрующіе *отвѣтственны* за происходящее въ церкви, ополчались на нихъ, въ ожесточеніи покидая самую ограду церковную, наши пастыри и архипастыри безропотно несли свой тяжкій крестъ.

Только глубокое смиреніе и вѣра въ наступленіе лучшаго времени давали имъ, какъ евангельскому разслабленному, силу переносить тяжелыя страданія.

И вотъ нынѣ, какъ бы въ отвѣтъ на эти вопли и страданія, внезапный порывъ революціи разорвалъ тяжелыя тучи, нависшія надъ страной и церковію. Влѣснуло радостное солнышко свободы. Полный любви голосъ Провидѣнія вмѣстѣ со звономъ пасхальныхъ колоколовъ ласково прозвучалъ по всей русской землѣ: „хочешь ли быть здоровымъ,“?

„Такъ, Господи!“ отвѣтимъ ему: „Помоги же намъ выйти изъ тяжелыхъ оковъ разслабленія! Помоги очиститься отъ грѣховъ и найти въ себѣ силу стать въ будущемъ на стражѣ завѣтовъ Христа о царствѣ Божіемъ!“

Первое, въ чемъ мы нуждаемся, это объединить свои силы и сознать свои задачи; не будемъ же смущаться слабостью своихъ силъ, а будемъ помнить, что „сила Божія въ немощи совершается“.

К. Перевозниковъ.

Свобода совѣсти и вѣроисповѣданія.

Свобода совѣсти, вѣроисповѣданія вытекаетъ изъ акта признанія за человѣкомъ свободы личности. Высшимъ, неотъемлемымъ благомъ всякаго человѣка, какъ мыслящаго существа есть свобода самоопредѣленія, право свободного составленія себѣ тѣхъ или иныхъ убѣжденій относительно религіи, бытія Божія и другихъ религіозныхъ вопросовъ, а это приводитъ къ свободѣ мысли вообще. Нельзя ставить человѣческой мысли заставъ, рогатокъ съ надписями: „до сихъ поръ, но не далѣе“⁶⁶. Стремленіе человѣка къ познанію истины не можетъ быть подавлено, стѣснено или уничтожено. Можно, конечно, Галилея посадить въ тюрьму, но „земля всетаки движется“. Нельзя сказать, чтобы эти непреложныя истины достались человѣчеству легко; нѣтъ, какъ и всѣ другіе свобо-

ды, онѣ явились послѣ ожесточеннѣйшей борьбы, борьбы съ напряженіемъ всѣхъ силъ, съ величайшими жертвами и страданіями. Строго говоря, вопросъ о свободѣ вѣроисповѣданія въ Европѣ былъ поставленъ со временъ Реформаціи. Но и здѣсь вопросъ разрѣшался въ смыслѣ свободы культа безъ права пропаганды. Другими словами; — допускалась только терпимость къ другимъ вѣрамъ и это было только въ протестантскихъ странахъ въ XVII и XVIII вѣкахъ. Въ католическихъ же странахъ, не исключая и Франціи, въ теченіи ста лѣтъ съ отмѣны нантскаго эдикта до великой революціи протестанты (гугеноты и др.) во Франціи подвергались самымъ жестокимъ и безсмысленнымъ гоненіямъ. Протестантскіе пасторы подвергались смертной казни за публичное отправленіе своего богослуженія, религіозныя собранія протестантовъ разгонялись ружейными залпами. И только палетѣвнѣй вихрь революціи положилъ предѣлъ фанатизму католиковъ. Ст. 10 деклараціи правъ 1789 г. объявляетъ, что никто не можетъ подвергаться преслѣдованію или какому-либо стѣсненію за свои религіозныя убѣжденія. Этотъ-то принципъ и легъ въ основу законодательства о религіи большинства европейскихъ народовъ. Что же касается нашей матушки „Святой Руси“, то вопроса о свободѣ вѣроисповѣданія, равно какъ и о всякихъ другихъ свободахъ, до разгрома насъ Японіей, совершенно не было. За крѣпкой стѣной всевозможныхъ статей уложенія о наказаніяхъ „за соращеніе“ „отвлеченіе отъ православной вѣры“, „вѣроотступничество“ и др. мы мирно спали, твердо зная, что наша вѣра русская, а другія вѣры только терпимы начальствомъ по его великодушію и кротости, но въ сущности легко могутъ быть прекращены и пресѣчены въ корнѣ.

И только 23 апрѣля 1906 г. въ основныхъ законахъ появляется ст. 39: „Россійскіе подданные пользуются свободою вѣры. Условія пользованія этою свободою опредѣляются закономъ“.

Такимъ образомъ гсворить серьезно объ относительной въ Россіи вѣротерпимости можно лишь съ указа отъ 17 апрѣля 1905 г., коимъ устанавливается относительная свобода перехода изъ православія въ другое христіанское исповѣданіе, что раньше отнюдь не допускалось нашими законами, но о возможности перехода православнаго въ нехристіанское (магометанство и др.) исповѣданіе, или объявленія себя не принадлежащимъ къ какой-либо опредѣленной религіи совершенно не допускалось и такія лица подвергались всевозможнымъ ограниченіямъ

какъ въ гражданскихъ, такъ и въ семейныхъ правахъ. При этомъ необходимо обратить вниманіе на слѣдующее. Въ Россійскомъ государствѣ православная церковь по существу дѣла была совершенно подчинена свѣтской власти и до послѣднихъ дней она являлась послушнымъ орудіемъ въ рукахъ правительства. Такое унижительное, приниженное положеніе, вопреки всѣмъ каноническимъ правиламъ, было создано церковной политикой всего императорскаго петроградскаго періода, начиная съ Петра I-го, который уничтожилъ вселенность церкви, уничтожилъ патріаршество и контролеромъ надъ всѣми іерархами поставилъ обер-прокурора изъ офицеровъ, а самого себя поставилъ фактической главою всей православной церкви. Такое подвластное и недостойное положеніе господствующей церкви, естественно подорвало ея авторитетъ въ глазахъ большей части населенія и немало способствовало развитію сектантства. Все это вмѣстѣ взятое создавало крайне удушливую атмосферу умственнаго и нравственнаго застоя, искусственной задержки въ развитіи народной жизни и народнаго сознанія... Мы принимаемъ тяжелое наслѣдство отъ стараго режима, въ которомъ мы и должны распутаться т. е. вывести св. церковь изъ ненормальнаго ея положенія и поставить ее на подобающую высоту, какъ выразительницу и истолковательницу истинныхъ завѣтовъ Христа.

Современное государство, въ противоположность старому полицейскому режиму, надѣляетъ одинаковыми гражданскими и политическими правами членовъ всевозможныхъ религіозныхъ обществъ и толковъ. Государство оказываетъ одинаковое покровительство всѣмъ или по крайней мѣрѣ главнѣйшимъ вѣроисповѣданіямъ и тщательно устраняетъ религіозныя различія по всѣмъ вопросамъ гражданского и политическаго права. При свободѣ совѣсти, никакое общество религіозное или анти-религіозное не можетъ стѣснять въ чемъ бы то ни было свободу другихъ религіозныхъ обществъ. Если бы, предположимъ, въ какомъ либо европейскомъ государствѣ, въ будущемъ принципъ безвѣрія былъ бы открыто принятъ государствомъ или большинствомъ населенія, то все-таки это не давало бы ему права стѣснять свободу вѣроисповѣданія лицъ, оставшихся вѣрными той или другой религіи. Никакія соображенія о „заблужденіи“, о „суевѣріи“ и т. п. не могли бы оправдать политику религіознаго притѣсненія; принципъ свободы совѣсти въ томъ и состоитъ, чтобы никогда и ни подъ какими предлогами не примѣнять ни

малѣйшаго насилія въ вопросахъ религіи, не только грубаго, матеріальнаго насилія, но даже насилія нравственнаго въ смыслѣ насмѣшекъ, явнаго глумленія и высокомернаго издѣвательства надъ членами того или иного религіознаго исповѣданія, твердо помня, что все это оскорбляетъ и насилуетъ свободную совѣсть человѣка. Конечно мы не отвергаемъ пути законнаго и единственнаго въ этомъ отношеніи—пути убѣжденія разумными доводами, свободы полемики и критики религіозныхъ ученій, но повторяемъ, что ораторамъ, выступающимъ на народныхъ митингахъ по вопросу о свободѣ совѣсти и вѣроисповѣданія необходимо самимъ себѣ твердо уяснить сущность свободы совѣсти, какъ акта свободной личности и держаться принциповъ справедливости и безпристрастія. Фанатизмъ, слѣпая и безусловная преданность одной какой нибудь идеѣ въ ущербъ всѣмъ другимъ, одинаково приводятъ къ безчеловѣчной и безнравственной политикѣ, возникаетъ ли фанатизмъ на почвѣ религіи, или на почвѣ ея отрицанія.

Законоуч. кл. гимн. свящ. Григ. Пурпуровъ.

Ближе другъ къ другу.

Вихрь политическаго переворота опрокинулъ все, что считалось навѣки неизмѣнимымъ. Громады условныхъ формъ жизни и привычныхъ понятій отброшены долой... Забилась, забурилась, клокочетъ новая жизнь, и въ ея стремительномъ потокѣ уносятся во тьму забвенія со страницы старой государственной исторіи цѣлыя главы. Горюливо, льхорадочно нервно взамѣнъ ихъ пишутся новыя страницы...

Все поставлено подъ безошадный контроль и судъ. Жутко смотрѣть вокругъ себя. Особенно жутко за церковь и ея судьбу. Вѣруемъ непоколебимо, что врата ада не одолѣютъ ея. Но знаемъ, что ея удѣлъ—скорби и испытанія. „Въ мѣръ скорби будете“... Готовы къ скорби. И не скорби страшатъ... Въ минуты глубокой тревоги и смятенія души, оглядываясь по сторонамъ, хочешь почувствовать въ своей рукѣ дружескую руку, увидѣть ободряющую улыбку, услышать теплый привѣтъ... Но лицомъ къ лицу съ взбудораженной жизнью чувствуешь: мы застигнуты врасплохъ, и нѣтъ помогающаго... Со всѣхъ сторонъ

тянутся къ тебѣ обвинительные искя, смотрять на тебѣ съ угрюмымъ недовѣріемъ, или обходятъ съ убійственнымъ пренебреженіемъ, какъ пусто-порожнее мѣсто. Все занято. „Свободныхъ мѣсть нѣтъ... для васъ“...

Худо, когда обходятъ молча, тысячекратъ горше, когда начинаютъ допрашивать. Допрашиваютъ съ пристрастіемъ, съ готовымъ уже приговоромъ: „Кто вы? Откуда вы? Гдѣ были до сихъ поръ?“ Какъ отвѣчать?

Кто мы? Не надо полусловъ и жалостливыхъ оправданій. Скажемъ прямо, какъ имѣлъ смѣлость сказать недавно одинъ прямодушный епископъ: мы данники стараго режима. Я бы сказалъ: мы рабы его. Мы, пастыри, отъ пяты до теменя головы ходили доселѣ спутанные въ сѣтяхъ его, сроднились съ ними, повѣрили, какъ въ священную догму, въ ихъ благо, или, если протестовали, то лишь словесно, желчно подчасъ, но безобидно... И даже теперь, когда наша свобода стала фактомъ, мы жмемъ, пугливо озираемъ вокругъ себя, втайнѣ, быть можетъ, тоскуемъ объ ушедшемъ прошломъ. Насъ пугаютъ новыя слова, яркіе лозунги (нянька отошла, дитя растерялось). А главное: нужно думать о работѣ, строить новое зданіе: это утомительно, это безпокойно. Мы обезволены старая церковная деспотія вывѣтрила изъ насъ духъ инициативы и бодрого творчества, усыпила мысль, разлихла совѣсть, загнала въ подполье души честные порывы, вдохновеніе святаго труда и скрыла отъ насъ подъ пеленой мертвыхъ декорацій свѣтлый Дикъ Христа...

Откуда мы?... О какъ хочется, мучительно хочется, чтобы насъ поняли, чтобы посмотрѣли на насъ серьезными, пусть очень строгими, но непременно серьезными глазами... Откуда мы? Отвѣчаемъ: мы выросли на сорной нивѣ нашей нищенской государственности, родились пасынками, росли безпріютно, заброшенно, обездоленно-одиноко. Нами пользовались, какъ парадною обстановкой или механическимъ средствомъ времени, „по требованію обстоятельствъ“; на насъ возлагали обязательныя порученія; намъ приказывали, предписывали, насъ обязывали, устраивали, наказывали; — не особенно требовали служить Богу, но служить кесарю требовали съ абсолютной настойчивостью. И мы, отравленные и развращаемые вредной системой строя, далеко ушли отъ идеала пастырства. Да, это наши неоправданные грѣхи. И мы ихъ признаемъ, и въ нихъ мы винимся передъ Богомъ, своею совѣстью и предъ милостивою и долготерпѣливою цаствою, радуясь до слезнаго волненія, что теперь

можемъ сказать: да сгинетъ соблазнъ! Прочь кошмарныя тѣни! „Слава Тебѣ, показавшему намъ свѣтъ“!...

Но когда намъ, на заявленіе о нашемъ правѣ и желаніи принять участіе въ строительствѣ новой жизни, говорятъ съ жестокою суровостью: „мы васъ не знаемъ; гдѣ вы были до сихъ поръ?“ мы безъ гнѣва и съ спокойной твердостью отвѣчаемъ: мы были среди васъ, наши немилостивые судьи. Но вы насъ не хотѣли замѣчать. Мы около васъ ходили, говорили, страдали, но вы не видѣли насъ. А если и замѣчали, то скользили равнодушнымъ взглядомъ по нашей жизни, по нашему быту, по нашей работѣ. „Ахъ церковь... Священники. Какая жалость, что наши батюшки такъ некультурны, неуклюжи, малообразованы, бездѣтельны“. Или еще хуже: „охъ, эти попы... жадные хапуги... Какіе они пастыри... наемники!“ Это тяжелые камни на нашу голову изъ вашихъ рукъ...

Но ради Бога, удержите хоть теперь свою руку и по совѣсти скажите: имѣете вы право бросать въ насъ камни? Безъ грѣха ли вы по отношенію къ намъ и нашей горестной долѣ. Подумайте...

Мы не культурны? Но припомните: сколько труда было положено на то, чтобы сдѣлать насъ культурными? Перечислите ваши заслуги по улучшенію нашего быта. Вы, люди часто государственнаго ума, большихъ вліяній, во всякомъ случаѣ широкаго пониманія соціальныхъ проблемъ,—скажите, почему за весь 200-лѣтній синодальный періодъ существованія православной русской церкви вы обо всемъ находили время позаботиться, подумать, поволноваться, и только о насъ не подумали, насъ ни разу не вспомнили, о насъ ни разу не потревожились? Вы судите пастырство за его духовную бездѣтельность. Но, скажите откровенно: вы когда либо хоть краемъ своего глаза, хоть слабымъ прикосновеніемъ сердца вникли въ ту мрачную безвыходную драму, въ пучину которой ввергнуто православное русское пастырство (помимо всего другого) въ вопросъ, положимъ, объ его матеріальномъ существованіи? Требовать нравственнаго авторитета отъ священника и духовнаго вліянія на паству и одновременно поставить его въ положеніе нищаго, который для того, чтобы жить, долженъ (буквально) протягивать руку за подаваніемъ; требовать отъ него молитвеннаго вдохновенія и священной ревности о Духѣ Божіемъ и... заставлять его продавать таинства и молитву,—придумайте болѣе кошунственное сочетаніе и рѣ-

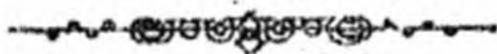
шите: за 200 лѣтъ этого непрерывнаго позора съ прибавкой идеальной степени безправія, административной со всѣхъ сторонъ опеки и полицейскаго надзора, могли ли русскіе пастыри выработаться въ подвижниковъ и героевъ? И въ томъ, что они не стали героями и подвижниками, нѣтъ ли и вашей вины? Какъ съ другой стороны,—въ томъ, что не смотря на весь ужасъ своего правового положенія, не всѣ пастыри съѣдены ржавчиной своего быта, что среди нихъ было великое множество и понынѣ есть не мало истинныхъ страстотерпцевъ и честныхъ слугъ Божіихъ, не есть ли въ этомъ вѣрнѣйшее удостовѣреніе, что пастырство наше не умерло, что внутри его отъ природы лежатъ громадныя творческія силы, не выявленныя еще, но готовыя на живую работу...

Но не будемъ обвинять другъ друга. Подошло время все забыть, загорѣться огнемъ и работать. Старое ушло. Станемъ творить новое...

Буря шумитъ... Ближе другъ къ другу. Кому дорого знамя церкви и ея свободы во имя Христа, откликнитесь. Нельзя терять ни минуты. Враждебныя Христу силы не дремлютъ. Они скоро поведутъ правильную осаду на церковь. Защищаться придется на всѣхъ фронтахъ теперь намъ самимъ. Теперь не на кого будетъ жаловаться, если мы опоздаемъ. Сплотимся же тѣснѣе и скорѣе за дѣло. Поменьше словъ. Говорено уже черезчуръ много. Умные разговоры о болѣзняхъ церкви не такъ давно окончены сполна и записаны въ большія книги. Теперь за работу. Немедля, сейчасъ же, пастыри, зовите къ себѣ своихъ прихожанъ, съ ними сообща братски думайте крѣпкую думу о спасеніи и умиротвореніи церкви. Зовите церковную, вѣрующую интеллигенцію, просите ея дѣловой, моральной поддержки, ея правдиваго, умнаго голоса и руководства. Всѣ вмѣстѣ—во имя Господне, со Христомъ и молитвой:

Да придетъ царствіе Твое, Господи!

(Христ. Мысль)

Къ предстоящему Епархіальному Съѣзду духовенства и мирянъ.

2 мая созывается въ Астрахани экстренный съѣздъ въ необычное время и въ необычномъ составѣ. Естественно, что онъ долженъ явиться объединителемъ духовенства съ паствою и всѣми, близко стоящими къ

Церкви Православной. Программа Съезда неизвѣстна и не объявлена. Но компетенція нынѣшняго Съезда должна будетъ быть шире прежнихъ. Прежніе Съезды собирались для рѣшенія экономическихъ вопросовъ, нисколько не касались другихъ вопросовъ, напр. церковно-приходской жизни, внутренней жизни духовно-учебныхъ заведеній, епархіальнаго управленія, организацій приходской жизни и под. Теперь сама жизнь выдвигаетъ эти вопросы на первую очередь. Первымъ вопросомъ долженъ поставленъ быть вопросъ объ отношеніи Православной церкви и духовенства къ новому государственному и общественному строю, требующій тщательнаго уясненія. Въ прошломъ Церковь была поставлена въ тѣсную зависимость отъ государственнаго строя, опиралась на него и поддерживала сама его своимъ авторитетомъ. Теперь государственная и общественная жизнь строится на новыхъ началахъ. Въ этомъ новомъ строѣ должна быть иная позиція и церкви, и ея служителей. Съездъ и долженъ заняться выясненіемъ этой позиція и выработанныя сужденія должны быть общимъ руководственнымъ началомъ въ жизни нашего духовенства.

Раньше Церковь была господствующей въ государствѣ, оберегалась его государственными мѣрами. Теперь этому положенъ конецъ;—она должна опираться только на *свою* силу нравственную. Пастырямъ слѣдуетъ подумать о томъ, какъ сохранить вліяніе Церкви и при этихъ новыхъ условіяхъ. Нужно уберечь православную вѣру среди своихъ пасомыхъ, дать ей надлежащее направленіе.

Измѣнившійся государственный строй выдвигаетъ также вопросъ объ измѣненіи церковнаго строя. Жизнь церкви доселѣ была подъ сильнымъ воздѣйствіемъ многихъ неканоническихъ вліяній, даже „темнымъ силъ“. Необходимость реформы церковнаго строя понятна само собою. Для выработки реформъ церковнаго строя нуженъ соборъ всероссійскій, бывший близко къ созванію, но канувшій въ вѣчность... Нужно всѣмъ настойчиво заявить необходимость его въ самомъ скорѣйшемъ времени, соборъ не только епископовъ, но и пастырей и мірянъ, который установилъ бы основные принципы реформы церковнаго строя какъ въ центральномъ, такъ и въ епархіальномъ церковномъ управленіи, гдѣ доселѣ образовалось масса дефектовъ, подлежащихъ немедленному устраненію.

Вопросъ далѣе о приходѣ. Сколько было составлено проэктвъ о приходѣ, вносимыхъ даже и въ законодательныя учрежденія, по силею власти братьяхъ обратно, но дѣло все затягивалось. Теперь во-

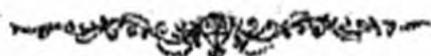
прось о приходѣ неизбѣжный. Теперь время всякихъ организацій, теперь сла—въ единеніи. А приходъ—самая древняя организація. Нужно чтобы церковная организація вокругъ храма Божія была возможно стройнѣе и прочнѣе. Приходъ объединяетъ пастыря и пасомыхъ; обсужденіе условій наилучшаго объединенія этихъ двухъ факторовъ прихода конечно выдвинетъ вопросъ о выборномъ началѣ духовенства, о способахъ его обезпеченія и т. д. Последній вопросъ можетъ получить особенно острый характеръ, если одержитъ верхъ теченіе, настаивающее на отдѣленіи церкви отъ государства.

Въ связи съ вопросомъ о преобразованіи церковной жизни стоитъ вопросъ о церковно-приходскомъ хозяйствѣ, о правѣ распоряжаться церковными доходами, о ихъ назначеніи... Нѣтъ сомнѣнія, что рѣшеніе этого вопроса такъ или иначе отразится на дальнѣйшей судьбѣ духовно-учебныхъ заведеній, на содержаніе которыхъ идутъ церковныя деньги. Это также давно наболѣвшій вопросъ. Совмѣщеніе двухъ цѣлей въ одной школѣ—дать образованіе своимъ дѣтямъ и приготовить членовъ церковнаго клира вело давно ко многимъ нестроеніямъ.

Интересна дальнѣйшая судьба церковно-приходскихъ школъ... Давно уже идутъ возраженія противъ школъ этого типа,—и въ Думѣ, и въ печати, на учительскихъ съѣздахъ и под., выражена резолюція уже объ объединеніи всѣхъ школъ въ одномъ вѣдомствѣ.—Въ виду этого и духовенству слѣдовало бы высказать свой взглядъ на просвѣтительное дѣло церкви въ формѣ особыхъ церковныхъ народныхъ школъ.

Необходимо позаботиться объ улучшеніи своего епархіальнаго печатнаго органа, о болѣе жизненномъ направленіи дѣятельности мѣстнаго Братства (образованіе совѣтовъ, миссіонерскихъ кружковъ и под.) и другихъ епархіальныхъ учрежденій, о монастыряхъ и под.

Вотъ рядъ вопросовъ, выдвинутыхъ Владимірскимъ Епархіальнымъ Съездомъ, которые существенно обязательны и необходимы и для всякихъ другихъ Съездомъ, собираемыхъ съ тою же цѣлію. Правда, много вопросовъ выходитъ далеко за предѣлы мѣстной компетенціи, но выразить свои желанія можетъ всегда всякій,—ихъ придется предстоящему Собору учесть и принять къ удовлетворенію, какъ требованія законныя и необходимыя, выдвигаемыя самою жизнью. А много вопросовъ можно провести въ жизнь и ранѣе по соглашенію съ мѣстной епархіальной властью.

Собранія духовенства г. Астрахани въ мартѣ и апрѣлѣ.

Съ первыхъ же дней Россійской революціи астраханское духовенство показало, что оно искренно предано своему отечеству, желаетъ ему исключительно блага и признаетъ новое временное правительство. Оно отлично поняло, что съ уничтоженіемъ самодержавія прежнія оковы, задерживающія надлежащій ростъ церковной жизни и держащія его въ его замкнутой жизни, сами собою пали и началась новая свѣтлая свободная жизнь православной церкви, духовенство можетъ объединиться и свободно обсуждать всѣ стороны церковной жизни со своими пасомыми. И оно сразу вышло изъ того пассивнаго состоянія, въ которомъ доселѣ находилось въ силу неблагопріятствующихъ обстоятельствъ стараго строя. Сразу нужно было открыто показать свое расположеніе къ новому Правительству и Г. Оберъ-Прокурору Св. Синода, извѣстному всѣмъ за истиннаго сына православной церкви. О такомъ своемъ желаніи духовенства оно въ лицѣ 4 своихъ представителей (прот. Н. Орловъ и свящ. К. Цендровскій, В. Григорьевъ и Н. Боровковъ) доложило 6 марта преосвященнѣйшему епископу Митрофану и 7 марта отправило телеграмму Г. Оберъ-Прокурору Св. Синода, а 8 марта телеграмму Предсѣдателю Исполнительнаго Комитета Родзянко, текстъ коихъ напечатанъ въ № 6 Епарх. Вѣд. Вмѣстѣ съ тѣмъ духовенствомъ заявлено было, что оно намѣрено во вниманіе къ текущему моменту собираться на засѣданія для сужденія по вопросамъ, неотложно вытекающимъ изъ современнаго момента, церковно-приходской жизни, требующимъ немедленнаго разрѣшенія для общности дѣйствій въ тѣхъ и другихъ случаяхъ. 8 марта собралась значительная часть духовенства, признавшая необходимость провести кандидатовъ отъ духовенства въ мѣстный Исполнительный Комитетъ. Кандидатами намѣчены были: священники К. Цендровскій, Н. Боровковъ, К. Зоринъ, В. Смирновъ, Ал. Луцкій и псал. Капустинъ. Первые двое въ тотъ же вечеръ явились на собраніе мѣстнаго Исполнительнаго Комитета, при чемъ свящ. Цендровскій заявилъ отъ лица астраханскаго духовенства свое расположеніе Мѣстному Исполнительному Комитету и желаніе поддерживать Новое Правительство во всѣхъ его начинаніяхъ, клонящихся ко благу государства. Исполнительнымъ Комитетомъ имъ былъ оказанъ самый радушный пріемъ и привѣтственная рѣчь свящ.

Цендровскаго вызвала шумные аплодисменты. Но, къ сожалѣнію, въ мѣстный Исполнительный Комитетъ представители отъ духовенства не попали и имъ предложено было войти въ связь съ общественными организаціями и въ блокъ съ ними провести своихъ представителей. Къ сожалѣнію оказалось впослѣдствіи, что и этого не удалось по обстоятельствамъ, независящимъ отъ духовенства. О своихъ переговорахъ съ Исполнительнымъ Комитетомъ 9 марта двое благочинныхъ г. Астрахани и предсѣдатель собранія духовенства свящ. Гр. Степановъ доложили Архипастырю и стали просить у него руководственныхъ указаній, какъ имъ поступать, особенно въ ближайшіе дни—предстоящій 10 марта гражданскій праздникъ революціи, чтобы однимъ имъ не остаться безучастными въ общемъ русскомъ празднованіи. Объединенность и однообразіе дѣйствій духовенства въ это время всѣми признавалось необходимымъ. Рѣшено было 10 марта по всѣмъ церквамъ, а въ соборѣ архіереемъ совершить литургіи и съ торжественнымъ звономъ молебенъ съ провозглашеніемъ многолѣтія богохранимой Державѣ Россійской и Временому ея Правительству и вѣчной памяти всѣмъ за благо отечества душу свою положившимъ. Вечеромъ того же дня собравшееся городское духовенство г. Астрахани составило воззваніе къ населенію г. Астрахани и 10 въ мѣстныхъ газетахъ было оно напечатано. Вотъ текстъ этого обращенія.

Сегодня великій всероссійскій праздникъ свободы. Раздѣляя чувства, одушевляющія въ этотъ радостный день гражданъ земли Русской, православное духовенство г. Астрахани считаетъ священнымъ долгомъ призвать населеніе начать этотъ праздникъ церковной молитвой къ Господу Богу—устроителю судьбы народовъ и помянуть героевъ—борцовъ, животъ свой положившихъ за свободу Родины, а для сего имѣетъ совершить сегодня во всѣхъ приходскихъ храмахъ по окончаніи литургіи молебствія съ возгласненіемъ многолѣтія Россійской державѣ, правительству и воинству ея и возношеніемъ вѣчной памяти убиеннымъ героямъ; независимо сего будетъ совершено молебствіе въ Каѳедральномъ соборѣ архіерейскимъ богослуженіемъ въ соучастіи духовенства.

10 марта духовенство начало гражданскій праздникъ революціи молитвою въ храмахъ, о чемъ замѣтка была нами напечатана въ № 7 Еп. Вѣд., при чемъ архипастыремъ говорились соотвѣтствующее сему случаю поученіе. На самомъ праздникѣ была особая делегація отъ го-

родского духовенства въ количествѣ 4 священниковъ, при чемъ однимъ изъ нихъ свящ. К. Зоринымъ была публично произнесена рѣчь соотвѣтствующая случаю, получившая полное одобреніе и вызвавшая аплодисменты, а впослѣдствіи на одномъ собраніи духовенства (16 марта) глубокую благодарность за пастырское слово на праздникъ.

Въ послѣдующее время городское духовенство признало нужнымъ основательно ознакомиться съ существующими политическими партіями и государственнымъ устройствомъ разныхъ странъ, для чего былъ устроенъ для него рядъ лекцій мѣстныхъ спеціалистовъ, достаточно ознакомившихъ его съ требованіями настоящаго момента. Такъ препод. Н. Пацукевичъ прочиталъ лекцію о французской, американской и русской революціи, присяжный пов. Шмаринъ (бывшій членъ Гос. Думы) о программѣ партіи народной свободы и другихъ социалистическихъ партій, прис. пов. Сарабьяновъ о социаль-демократической платформѣ (были возраженія другого прис. пов. Райскаго), препод. Михайловъ о народно-социалистической партіи, членъ Гос. Думы и товарищъ министра Виноградовъ—о государственномъ переворотѣ въ Россіи и о позиціи духовенства въ настоящее время, кае. прот. І. Саввинскій о христіанской социальной жизни (по евангенію).

Въ цѣломъ рядѣ дальнѣйшихъ собраній пастырей обсуждалось много вопросовъ церковно-общественнаго значенія въ связи съ переживаемыми событіями и требующими неотложнаго рѣшенія. Сообщимъ къ свѣдѣнію духовенства, имѣющаго собратъся на епархіальный чрезвычайный Съездъ 2 мая краткій ходъ занятій и засѣданій городского духовенства, изъ котораго будетъ видно, что если многое сдѣлано городскимъ духовенствомъ нашимъ доселѣ, то еще болѣе придется ему поработать для изясненія своихъ нуждъ и переустройства своей жизни, требуемаго настоящимъ моментомъ на Съездѣ.

Образованъ былъ съ 16 марта президіумъ для общихъ собраній изъ слѣд. лицъ: предсѣдателя свящ. Гр. Степанова, товарищей предсѣдателя свящ. Кс. Цендровскаго и К. Зорина и секретарей діакона Никольскаго и псаломщика Капустина. Съ 13 апр. св. Степановъ снялъ полномочія предсѣдателя и таковымъ избранъ 69 гол. противъ 6 свящ. К. Цендровскій, а товарищами его переизбраны: свящ. К. Зоринъ и Н. Боровковъ. Образованъ Совѣщательный Комитетъ духовенства г. Астрахани для предварительной разработки вопросовъ общегражданскаго и пастырскаго ха-

рактера, каковому комитету предоставлена и собственная инициатива въ поднятїи вопросовъ, докладовъ и сообщенїй на современныя темы, причѣмъ обработанный матеріалъ Комитетъ имѣетъ вносить на разсмотрѣніе и заключеніе общихъ собранїй, созываемыхъ по мѣрѣ надобности. Групповыя заявленїя, не менѣе какъ отъ 10 лицъ изъ среды духовенства, отличающіяся характеромъ спѣшности и чрезвычайности, вносятся Комитетомъ въ Общее Собраніе и безъ детальной обработки немедленно и во всякомъ случаѣ не позже 5 дней по поступленїи ихъ къ Предсѣдателю. Внутренній распорядокъ дѣлъ въ Комитетѣ, сроки и время его засѣданїй устанавливаются соглашенїемъ самихъ членовъ. Въ составъ Комитета были включены президїумъ, выбранный для общихъ собранїй слѣд. лица: каѳ. прот. І. Савицкій, свящ. Н. Боровковъ, А. Луцкій, П. Перфиловъ, діаконъ Монастырскій, псал. Чавычеловъ и всѣ начальствующіе духовно-учебныхъ заведенїй. Комитетъ можетъ приглашать и другихъ лицъ въ свои засѣданїя съ правомъ рѣшающаго голоса. Съ 17 апр. сюда же привлечены нѣсколько членовъ отъ церковныхъ попечительствъ для болѣе тѣснаго объединенїя мірянъ съ духовенствомъ.

Общія собранїя собирались о. о. благочинными по сношенїю съ ними предсѣдателя въ залѣ Еп. Библіотеки въ 7 часовъ вечера, причѣмъ о днѣ собранїя духовенство извѣщалось заблаговременно.

Признано неотложно необходимымъ организовать въ епархіи „Союзъ объединеннаго духовенства“ изъ городского и сельскаго клира и поручено Совѣщательному Комитету въ непродолжительномъ времени выработать главныя основанїя устава такого Союза.

Для ознакомленїя духовенства съ программами существующихъ политическихъ партій, что для каждаго гражданина въ настоящїй моментъ является существенною необходимостью, обусловливающей сознательное участіе въ возсозданїи нормъ государственной жизни чрезъ предстоящее Учредительное Собраніе, рѣшено прїобрѣсти лучшія печатныя изданїя по этому предмету и открыть рядъ чтенїй и лекцій въ кругу духовенства и пригласить для этой цѣли въ качествѣ лекторовъ, свѣтскихъ лицъ изъ представителей партій.

Въ собранїи 22 марта постановлено было просить Его Преосвященство сдѣлать распоряженіе о созывѣ въ Астрахани не позже 20 апрѣля пастырскаго собранїя городского духовенства совмѣстно съ представителями отъ уѣздовъ для выработки тактическихъ прїемовъ въ

пастырской практикѣ, по скольку таковая должна быть согласована съ современными запросами обновленнаго строя въ жизни государства. Это постановленіе собранія духовенства доложено было Его Преосвященству, Преосвященнѣйшему Епископу Митрофану, который съ своей стороны предложилъ депутаціи обсудить, не цѣлесообразнѣе ли будетъ духовенству послать изъ среды градскихъ священниковъ особыхъ делегатовъ по приходамъ епархіи съ цѣлью выработки на мѣстахъ общихъ согласованныхъ мѣропріятій къ скорѣйшему упорядоченію и реорганизациі основъ церковнообщественной жизни, необходимыхъ въ связи съ открывшимся обновленнымъ государственнымъ строемъ. Духovenство 27 марта разсмотрѣвъ этотъ вопросъ, доложило Его Преосвященству, что командировка делегатовъ въ приходы епархіи съ указанной имъ цѣлью не осуществима: а) по чисто территоріальнымъ условіямъ губерніи, чрезвычайно обширной, б) по неблагоустройству путей сообщенія въ весеннее время и разообщенности селеній, а также въ виду трудности означенной миссіи и неподготовленности къ выполненію ея въ настоящій моментъ кѣмъ либо изъ городского духовенства, и просило назначить на 2 мая Епархіальный Съѣздъ духовенства и старость на общихъ основаніяхъ со включеніемъ въ составъ его представителей отъ каждаго 10 лицъ низшаго клира по одному депутату и городского духовенства *in corpore* и по одному отъ каждаго округа представителю отъ приходскихъ попечительствъ. Преосвященный Архипастыръ изъявилъ согласіе 1 апрѣля, при чемъ объявилъ, что Съѣздъ долженъ состояться при самомъ широкомъ участіи представителей отъ мірянъ и поручилъ Совѣщательному Комитету точно редактировать основанія, на которыхъ долженъ состояться Съѣздъ. Въ журналѣ 5 апрѣля были изложены основанія, на которыхъ созывается Съѣздъ и духовенству объявлено о семъ. Въ видахъ большей экономіи средствъ предположено было на этомъ Съѣздѣ заняться и экономическими дѣлами, разсмотрѣніемъ смѣтъ учебныхъ заведеній, учреждений и другими обычными на Съѣздахъ вопросами. Но духовенство признало, что составленіе смѣтъ въ настоящее время можетъ произойти въ порядкѣ необычайной спѣшности въ условіяхъ, совершенно необеспечивающихъ хотя бы небольшую достовѣрность смѣтныхъ предположеній на 1918 годъ и что самыя смѣты ни въ коемъ случаѣ нельзя будетъ признать продуманными и съ вполнѣ надежными цифрами. При томъ занятіе этимъ дѣломъ можетъ и должно будетъ отвлечь духо-

венство отъ прямого назначенія пастырскаго собранія и раздвигать свое вниманіе, отвлекаясь отъ прямой цѣли собранія—спеціального разрѣшенія острыхъ вопросовъ политическаго момента, опредѣлившаго новое направленіе въ церковно-общественной жизни, къ чему призываетъ духовенство его пастырская совѣсть и желаніе всѣми силами оберечь и возвысить въ общественной жизни авторитетъ Церкви Православной, свободной отъ принижавшей ее государственной опеки, но вмѣстѣ съ тѣмъ и нуждающейся въ самой напряженной пастырской работѣ для воссозданія былой ея мощи и вліянія на вѣрующіихъ. Въ этихъ собраніяхъ дѣло о разсмотрѣніи на предстоящемъ пастырскомъ Съѣздѣ экономическихъ вопросовъ отклонено и отложено до болѣе удобнаго времени.

Въ засѣданіи 13 апр. предложено чрезъ благочинныхъ, согласно обращенію мѣстнаго комитета партіи народной свободы по примѣру нѣкоторыхъ служащихъ въ дух. консисторіи лицъ пожертвовать въ пользу казны на нужды военнаго времени полученныя ими отъ стараго правительства ордена и медали.

Въ засѣданіи 15 апр. предложено было духовенству въ виду общаго желанія скорѣйшаго примѣненія въ епархіи выборнаго начала, высказаться по вопросу о выборномъ началѣ въ отношеніи къ лицамъ епархіальнаго управленія (членамъ консисторіи и благочиннымъ). Принимая во вниманіе, что въ настоящее время принципъ назначенія повсюду въ церкви замѣняется принципомъ избранія, даже до выбора епископата включительно и что духовно-учебнымъ заведеніямъ уже предоставлено право выбора на учебно-административные посты, просить Еп. Власть замѣщать вакантныя должности по епархіальному управленію лицами, пользующимися общественнымъ довѣріемъ, замѣнивъ принципъ назначенія епископскою властью принципомъ предварительнаго избранія со стороны духовенства. Въ отношеніи къ лицамъ, уже стоящимъ во главѣ Епарх. Управленія, постановлено произвести среди духовенства г. Астрахани анкету путемъ тайной подачи голосовъ о томъ, довѣряетъ ли оно лицамъ, стоящимъ въ настоящее время у власти въ составѣ консисторіи и благочинническаго института г. Астрахани. Въ виду того, что такое важное дѣло требуетъ болѣе многочисленнаго собранія, постановлено анкету произвести въ общемъ многолюдномъ собраніи духовенства.

Въ засѣданіи 16 апр. возбужденъ былъ вопросъ о желательности

просьбы къ Еп. Начальству объ отмѣнѣ распоряженія о привлеченія въ архіерейскіе хоры пѣвчими діаконовъ и псаломщиковъ многихъ приходскихъ храмовъ, такъ какъ они, будучи постоянно отвлекаемы отъ прямыхъ своихъ обязанностей въ собственныхъ церквахъ, вызываютъ нерѣдко большое неудовольствіе въ средѣ прихожанъ и слышать незаслуженныя упреки по своему адресу. Признавая справедливымъ пожеланіе діаконовъ и псаломщиковъ работать предпочтительнѣе въ собственныхъ храмахъ и чрезъ то обслуживать первѣе всего мѣстные законныя интересы, постановили просить Его Преосвященство сдѣлать распоряженіе, чтобы съ настоящаго времени всѣ священнослужители Астрахани, привлеченные къ участию въ архіерейскихъ хорахъ, были освобождены и болѣе не назначались туда, а оставались въ своихъ храмахъ для достиженія большаго благолѣпія службы и въ удовлетвореніе законныхъ требованій прихожанъ.

Совѣщательный комитетъ имѣлъ сужденіе о предварительной разработкѣ вопросовъ по реорганизаціи церковно-общественной жизни, чѣмъ займется предстоящій Еп. Съѣздъ, по матеріаламъ, имѣющимся въ актахъ предсоборнаго присутствія 1906 г., напечатаннымъ въ Церк. Вѣд. 1906 г. и постановилъ положить акты предсоборнаго присутствія 1906 г., касающіеся всесторонняго реформированія церкви и прихода въ основу работъ комитета по этому вопросу и распредѣлилъ между его членами разсмотрѣніе и сводку матеріаловъ въ особыхъ комиссіяхъ по слѣд. вопросамъ: 1) объ епархіальномъ епископѣ и соборѣ, объ епархіальномъ правленіи, о епархіальномъ судѣ, объ епархіальномъ училищномъ правленіи, объ епархіальномъ совѣтѣ пресвитеровъ и епарх. хозяйственномъ управленіи.

17 апр. было постановлено просить Архiepастыря отмѣнить съ настоящаго времени цензуру для проповѣдей, произносимыхъ духовенствомъ по очереди въ Каѳ. Соборѣ и для Епархіальныхъ Вѣдомостей въ неофициальной ихъ части съ упраздненіемъ самой должности цензора и не привлекать болѣе духовенство къ обязательному произношенію въ соборѣ проповѣдей, гдѣ пастырское слово „по привлеченію“ теряетъ многое въ смыслѣ жизненности и искренности и не можетъ быть свободнымъ.

Въ послѣдующее время шла дѣятельная подготовка къ предстоящему Съѣзду по обсужденію различныхъ вопросовъ, самыхъ насущныхъ въ настоящее время для духовенства—въ Совѣщательномъ Комитетѣ и Общихъ Собраніяхъ.

Собрания педагоговъ духовно-учебныхъ заведеній г. Астрахани. Организуется постоянный центральный органъ Всероссийскаго Союза педагоговъ духовной школы. А на мѣстахъ должны быть организованы Союзы педагоговъ мѣстныхъ духовно-учебныхъ заведеній, которые должны выразить свое мнѣніе о преобразованіи духовныхъ школъ и новомъ ихъ устройствѣ для предстоящаго 25 мая сего года Съѣзда педагоговъ въ Москвѣ. Духовные педагоги гор. Астрахани нѣсколько разъ собирались въ апрѣлѣ на засѣданія и вынесли рядъ резолюцій, имѣющихъ ближайшее отношеніе къ предстоящему преобразованію духовной школы и къ ея новому положенію при обновленномъ государственномъ строѣ. Резолюціи эти, которыя мы напечатать слѣдующій разъ, будутъ служить директивами для депутатовъ, которые избраны Союзомъ на Всероссийскій Съѣздъ. Делегатами избраны: отъ дух. семинаріи Смирновъ, отъ дух. училища Вершинскій и отъ епарх. женскаго училища З. Зорина. Образованъ Мѣстный Исполнительный Комитетъ Союза педагоговъ духовно-учебныхъ заведеній г. Астрахани, въ составъ котораго вошли: по избранію Общаго Собранія Предсѣдатель преподаватель семинаріи П. Смирениномудровъ, отъ семинаріи В. Новолѣтовъ и П. Яковлевы, отъ дух. училища пом. смотр. Ив. Лѣтницкій и преподаватель, К. Перевозниковъ и отъ жен. училища преподаватель В. Калиновскій и воспитательница З. Зорина.

Нижеслѣдующая статья имѣетъ въ виду взложить тѣ данныя, которыя помогли бы каждому самостоятельно разобраться въ вопросѣ, ставшемъ въ настоящее время животрепещущимъ и отъ рѣшенія котораго несомнѣнно зависитъ будущность нашего государства и нашего народа, именно о формахъ правленія.

Формы правленія.

Существовавшая у насъ до переворота форма правленія носила названіе *самодержавной, неограниченной монархіи* (монархія— слово греческое, значитъ— «правленія одного»). Стоящій во главѣ управленія монархъ является при этой формѣ правленія верховнымъ законодателемъ и правителемъ страны, осуществляющимъ свои высокія задачи при помощи имъ самимъ поставленнаго и имъ же контролируемаго правительства. Существованіе въ Россіи въ теченіе болѣе, чѣмъ десятилѣтняго срока, Государственной Думы и Государственнаго Совѣта не лишало форму ея правленія характера неограниченной монархіи, ибо эти

учрежденія фактически носили скорѣе законосовѣщательный, чѣмъ законодательный характеръ.

Событія послѣднихъ дней съ особенной силой выяснили всѣмъ тѣ серьезные недостатки, которые свойственны этой формѣ управленія. Окруженный сонмомъ дурныхъ совѣтниковъ, скрывавшихъ отъ него, а то и совершенно извращавшихъ правду, заставлявшихъ принимать рѣшенія, не соотвѣтствующія дѣйствительнымъ нуждамъ народа и страны, и игнорировать совѣты и рѣшенія народныхъ избранниковъ, неограниченный монархъ при самыхъ благихъ намѣреніяхъ не могъ осуществить задачу служенія истиннымъ интересамъ родины. Онъ былъ орудіемъ въ чужихъ и не всегда добросовѣстныхъ рукахъ. Исторія всеобщая и русская, особенно послѣднихъ дней, знаетъ поразительные примѣры того, какъ единоличное рѣшеніе самодержавнаго и неограниченнаго монарха приводило при вышеуказанныхъ условіяхъ къ послѣдствіямъ въ высшей степени бѣдственнымъ для народа. Та же исторія знаетъ и обратные случаи, когда монархъ получалъ совѣты разумные и цѣлесообразные и подчинялся имъ. И эти случаи говорятъ о томъ, что для государства въ высшей степени цѣннымъ является, чтобы ея монархъ постоянно окруженъ былъ совѣтниками, выражающими истинныя нужды и истинную волю народа, и чтобы онъ въ той или иной мѣрѣ ограниченъ былъ въ правѣ поступать по единоличному своему рѣшенію, которое можетъ быть ошибочнымъ. Необходимость такого ограниченія власти монарха вырастаетъ по мѣрѣ того, какъ усложняется жизнь той или иной страны и одному человѣку дѣлается все труднѣе объять своимъ пониманіемъ съ одинаковой степенью ясности и безпристрастія всѣ нужды этой страны.

Въ большинствѣ государствъ, какъ европейскихъ, такъ и внѣ-европейскихъ, давно уже установилась форма правленія, отвѣчающая такой задачѣ разумнаго ограниченія власти монарха. Эта форма правленія такъ и называется *ограниченной* или *конституціонной* *) *монархіей*. Принципомъ, лежащимъ въ основѣ такого рода формы правленія,

*) Терминъ „конституція“ въ точномъ филологическомъ смыслѣ означаетъ собственно „устройство“. Въ примѣненіи къ государству употребленіе этого термина имѣетъ смыслъ такого государственнаго устройства, при которомъ права личности и народа признаются открыто и народу представляется право участвовать чрезъ выборныхъ *представителей* въ законодательствѣ страны и ея управленіи. Отсюда ограниченная монархія можетъ именоваться также *представительной*, т. е. управляемой монархомъ чрезъ посредство представителей народныхъ. Легко видѣть, что и республиканское государственное устройство то же должно быть названо конституціоннымъ, хотя оно не всегда можетъ быть представительнымъ.

является положеніе: царь царствуетъ, но не управляетъ. Царь въ конституціонной монархіи олицетворяетъ собою умъ и волю народа, но онъ не беретъ на себя отвѣтственной и не посильной задачи самостоятельно мыслить и принимать рѣшенія за весь возглавляемый имъ народъ. Въ частности, власть законодательства въ конституціонныхъ монархіяхъ принадлежитъ народнымъ представителямъ, обычно составляющимъ двѣ палаты—нижнюю, и верхнюю, которыя въ различныхъ государствахъ носятъ различныя наименованія (у насъ Государственная Дума и Государственный Совѣтъ, въ Англіи—палата общинъ и палата лордовъ, во Франціи палата депутатовъ и Сенатъ въ Швейцаріи—національный совѣтъ и совѣтъ штатовъ и т. д.). Обѣ палаты, сначала нижняя, а потомъ верхняя, составляющія въ своей совокупности парламентъ страны, последовательно обсуждаютъ законы, имѣющіе войти въ силу. Управление дѣлами государства находится въ рукахъ кабинета министровъ, отвѣтственного предъ народными представителями и принадлежащаго къ господствующей въ парламентѣ политической партіи. Монархъ является при такихъ условіяхъ только номинальнымъ или оффиціальнымъ главою государства, скрѣпляющимъ своей подписью законодательные акты и распоряженія правительства. Возможность его личнаго вмѣшательства въ дѣла законодательства и управленія является такимъ образомъ въ высшей степени слабой. Ни одинъ законъ не можетъ воспріять силы, не будучи проведенъ чрезъ обѣ палаты народныхъ представителей; за осуществленіемъ этихъ законовъ слѣдятъ тѣ же народные представители. Монархъ не можетъ произвести ни одного дѣйствія, требующаго расходовъ, безъ согласія парламента. Правда, монархъ имѣетъ право выражать свое несогласіе съ законами, одобренными парламентомъ, что выражается въ положеніи имъ своего veto (запрещаю). Слѣдуетъ однакоже имѣть въ виду, что въ конституціонныхъ странахъ всеобщіе правительственные акты, исходящіе отъ короля, скрѣпляются подписью отвѣтственного министра и имѣютъ силу только при этомъ условіи. Расхожденіе съ законодательной властью влечетъ за собой отвѣтственность министра передъ парламентомъ, его смѣщенія и новое обсужденіе вопроса при новомъ отвѣтственномъ министрѣ. Разумѣется, здѣсь, какъ и вездѣ, возможны злоупотребленія. Фактически однакоже въ странахъ съ хорошо налаженнымъ конституціоннымъ управленіемъ монарху очень рѣдко приходится прибѣгать къ своему праву запрещенія;

въ частности, въ Англии королевская власть не пользуется этимъ правомъ уже въ теченіи 200 лѣтъ.

Типичную и наиболѣе древнюю въ Европѣ форму конституціонной монархіи представляетъ собою государственный строй Англии. По примѣру послѣдней конституціонной формы монархій усвоены и другими европейскими и неевропейскими государствами—Германіей, Италіей, Греціей, Болгаріей, Японіей и пр. Слѣдуетъ однакоже имѣть въ виду, что конституціи, которыми ограничивается власть монарха и даются права народному представительству, бываютъ весьма различными, почему и самыя конституціонныя монархіи бываютъ не въ одинаковой степени совершенными. Такъ, въ различныхъ конституціяхъ монарху предоставляется то, большая, то меньшая власть; народныя представители избираются такъ что выражаютъ истинныя нужды народа то въ большей, то въ меньшей степени. Въ Россіи, напр., народное представительство функционировало уже свыше 10 лѣтъ въ лицѣ Государственныхъ Думы и Совѣта, но самодержавная неограниченная власть осталась въ рукахъ монарха; министерство было отвѣтственнымъ не передъ Думой, а передъ монархомъ и это сводило работу законодательныхъ учреждений почти къ нулю. Монархъ имѣлъ полную возможность ограничивать работу народныхъ представителей минимальнымъ срокомъ, издавать законы независимо отъ одобренія народныхъ представителей; министры въ свою очередь имѣли полную возможность не считаться съ голосомъ этихъ представителей и управлять страной такъ, что внутренняя жизнь послѣдней начала давно уже обнаруживать признаки самаго глубокаго внутренняго разстройства. Съ другой стороны, въ цѣломъ рядѣ государствъ, благодаря особенностямъ избирательныхъ законовъ и случайностямъ избранія, въ число народныхъ представителей попадаютъ лица, которыя являются представителями не всего народа, только отдѣльныхъ его классовъ, преимущественно классовъ имущихъ и привилегированныхъ, часто вовсе не расположенныхъ къ широкимъ мѣропріятіямъ, которыхъ требуетъ истинное благо народа. Въ этихъ случаяхъ значеніе народнаго представительства въ ограниченныхъ монархіяхъ, можетъ въ большей или меньшей степени умаляться, приближая такого рода монархіи къ типу неограниченныхъ: въ лицѣ народныхъ представителей предъ монархомъ выдвигаются въ такомъ случаѣ только представители отдѣльныхъ частныхъ интересовъ. Чтобы конституціонная монархія отвѣчала своему назначе-

нію, важно, чтобы народное представительство по возможности точно выражало истинные интересы народа, чтобы собственный починъ монарха въ дѣлахъ законодательства былъ въ подлежащей степени ограниченъ предъявленіемъ ему именно этихъ интересовъ и чтобы возникшіе изъ сознанія этихъ интересовъ законы государства приводились въ исполненіе отвѣтственнымъ предъ народными представителями министерствомъ.

Есть однакоже и еще форма правленія, такъ называемая *республиканская*, которая имѣетъ своихъ убѣжденныхъ защитниковъ и которая, несомнѣнно будетъ энергично пропагандироваться. Именемъ республики обычно называется форма государственнаго правленія, въ которой верховная власть принадлежитъ въ государствѣ всему народу (самое слово республика—латинское и значить—«общее дѣло») и потому лица, облеченныя этой властью, даже верховной, пользуются ею не по собственному праву, какъ въ монархіяхъ, а по праву, врученному имъ народомъ. Слѣдуетъ различать республики—*непосредственныя*, или въ собственномъ смыслѣ демократическія и республики *представительныя*. Въ первыхъ власть принадлежитъ всему народу во всемъ его объемѣ. Таковыми были, напр., древне-греческія республики. Таковыми въ настоящее время являются многіе швейцарскіе кантоны, въ которыхъ всѣ законодательные вопросы рѣшаются ежегодно на всенародныхъ собраніяхъ путемъ голосованія. Швейцарскій республиканскій союзъ, хотя онъ имѣетъ выборный парламентъ*), по существу дѣла также является демократическимъ. Таковымъ дѣлаютъ его два установленія, именуемыя «иниціативой» и «референдумомъ». При системѣ иниціативы (почина), любыя пятьдесятъ тысячъ избирателей могутъ требовать въ законѣ измѣненій, которыя должны выработаться Национальнымъ Собраніемъ и подвергаться народному голосованію. Въ силу системы референдума (обращеніе къ народу) всѣ предложенныя въ конституціи измѣненія, прежде чѣмъ они станутъ закономъ, должны подвергнуться плебисциту (народному голосованію) и получить одобреніе большинства голосовъ,

*) Именно поэтому въ Швейцаріи до известной степени безразлично смотритъ на партійныя взгляды лицъ, избираемыхъ въ парламентъ: болѣе важнымъ представляется, чтобы они были способными къ законодательной работѣ. Лѣтъ 50 тому назадъ имѣлъ мѣсто такой случай: послѣ того какъ вся законодательная работа палаты была отвергнута народнымъ референдумомъ, новый парламентъ былъ избранъ въ томъ же партійномъ составѣ.

поданныхъ въ большинствѣ кантоновъ. Точно также по требованію известнаго числа гражданъ могутъ подвергаться референдуму всѣ другія измѣненія въ законахъ. Въ республикахъ представительныхъ законодательная власть ввѣряется народнымъ представителямъ, обычно, какъ и въ монархіяхъ, избираемымъ въ составъ двухъ палатъ, причемъ законодательныя распоряженія послѣднихъ не подлежатъ голосованію народа. Таковы республики Франціи, Соединенныхъ Штатовъ и др. При этомъ, въ республикѣ французской министры отвѣтственны предъ парламентомъ (откуда наименованіе этой республики парламентарной), въ республикѣ Соединенныхъ Штатовъ — только предъ президентомъ. Республики представительныя имѣютъ большое сходство съ конституціонными монархіями, поскольку тамъ и здѣсь законодательство и управленіе ввѣряется народнымъ представителямъ. Видимое различіе республики и конституціонной монархіи состоитъ въ томъ, что во главѣ первой стоитъ избираемый на опредѣленный срокъ (7 лѣтъ во Франціи, 4 года въ Америкѣ) глава исполнительной власти, являющейся вмѣстѣ съ тѣмъ и представителемъ націи, называемый президентомъ, тогда какъ во главѣ конституціонной монархіи стоитъ наследственный монархъ. Не безъ основанія однакоже это различіе пытаются ступшевать, указывая, что въ существѣ дѣла французскій президентъ — это конституціонный монархъ англійскаго типа съ ограниченнымъ срокомъ власти, причемъ вышешее величіе его мало въ чемъ уступаетъ величію конституціоннаго короля, и что президентъ Соединенныхъ Штатовъ «является ископаемымъ Георгомъ III съ ограниченнымъ срокомъ управленія», а Англію часто характеризуетъ, какъ республику съ наследственнымъ президентомъ во главѣ. Дѣйствительно, принципиальнаго различія въ предѣлахъ компетенціи президента и монарха нѣтъ и было бы несправедливымъ сказать, что власть президента уже или шире власти монарха. То же слѣдуетъ сказать и относительно народнаго представительства республикъ этого втораго типа. Выборъ представителей въ парламенты въ этого рода республикахъ можетъ совершаться съ такими ограниченіями правъ гражданъ, что фактически законодателями и правителями народа окажутся лица, выражающія интересы не всей страны, а только отдѣльных ея членовъ. Республика въ этомъ отношеніи по своему совершенству можетъ понижаться до степени конституціонной монархіи дурнаго типа. Въ этомъ смыслѣ часто констатируютъ, напр., что совре-

менная французская республика съ ея выборнымъ, смѣняемымъ и судимымъ президентомъ, куда хуже обезпечиваетъ интересы народа, чѣмъ английская конституція съ ея наследственнымъ и несудимымъ королемъ. Существенное различіе должно быть такимъ образомъ усматриваемо не между представительной республикой и конституціонной монархіей, а между этой послѣдней и республикой непосредственной, гдѣ законодательство принадлежитъ народу въ собственномъ смыслѣ, а не его представителямъ.

Слѣдуетъ такимъ образомъ различить въ собственномъ смыслѣ *три* типа формъ правленія: самодержавную и неограниченную монархію, монархію конституціонную (къ типу которой относятся и республики представительныя) и республику непосредственную или демократическую въ собственномъ смыслѣ (ибо нельзя же называть демократическими республики въ родѣ французской, гдѣ въ роли представителей народа выступаютъ по преимуществу классы достаточныя, — буржуазія). Между этими типами фактически образуется масса переходныхъ ступеней, которыя то въ большей, то въ меньшей степени приближаютъ ихъ одинъ къ другому.

Избранное всеобщимъ, прямымъ, равнымъ и тайнымъ голосованіемъ народа русскаго Учредительное Собраніе и должно будетъ сдѣлать выборъ между этими тремя типами государственнаго управленія согласно наказамъ, полученнымъ на мѣстахъ отъ избирателей-гражданъ. И если возвратъ къ монархіи неограниченной и самодержавной въ естественномъ порядкѣ немыслимъ въ виду уже ясно обнаружившейся сложности и затруднительности этой формы правленія, то, очевидно, выборъ придется дѣлать, между различными формами конституціонной монархіи и различными формами республики.

МОСКОВСКАЯ ИКОНОСТАСНАЯ МАСТЕРСКАЯ Н. Н. ШЕПЕЛЕВА

Астрахань, у Воздвиженскаго моста на Кутумъ, д. бывш. Рослякова
рядомъ со слѣдственной камерой.

Принимаются заказы на иконостасы и кіоты съ иконами Московской работы и безъ иконъ, золоченые, эмалевые и лубовые престолы, жертвенники, свѣчные ящики и шкафы ризницы.

**Золоченіе главъ и крестовъ производится
на янтарное масло.**

Новость. Деревянное золоченое и эмалевое
облаченіе на престолы и жертвенники.

Имѣется большой выборъ рисунковъ разныхъ стилей и на разные цѣны. Всѣ работы выполняются подъ личнымъ наблюдениемъ добросовѣтно и къ назначенному сроку.

**По соглашенію допускается
разсрочка платежа.**

Выполненныя въ моей мастерской работы можно видѣть во многихъ церквахъ г. Астрахани, а также и въ уѣздахъ. Имѣю много благодарностей.

Адресъ для телеграммъ: *Астрахань иконостаснику
Шепелеву.*

Содержаніе отдѣла неофициальнаго: На современныя темы.—Свобода совѣсти и вѣроисповѣданія.—Ближе другъ къ другу.—Къ предстоящему Епархіальному Съѣзду духовенства и мирянъ.—Собраніи духовенства г. Астрахани въ мартѣ и апрѣлѣ.—Собраніе педагоговъ духовно-учебныхъ заведеній г. Астрахани.—Формы управленія.—Объявленія.

Редакторъ *Иванъ Литвицкій.*

Астрахань. Паровая Губернская Типографія.